

Милана Корнеева

Тюка цветёт
сирень

12+

Милана Корнеева
Пока цветет сирень

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Корнеева М. Е.

Пока цветет сирень / М. Е. Корнеева — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Книга о трёх поколениях женщин, судьбы которых связаны Сиреневым садом, расположенным в московском районе Сокол. О мечтах, перечеркнутых войной, о первой любви и разочаровании, о том, чему не суждено было исполниться. Но сквозь тучи горя, потерь и неурядиц светит радуга новых надежд и прорастают цветы после долгой стужи. А значит, жизнь продолжается!

Содержание

Посвящение и благодарности	5
Часть 1. Анечка.	6
Глава 1. Недавно мне было 15.	6
Глава 2. Цвет сирени.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Посвящение и благодарности

Посвящается моей бабушке – Коробовой Анне Ивановне (1923—1996) и маме – Ковылиной Марине Васильевне (1945—2007), а также жителям района Сокол, пережившим войну и всем тем, кто застал Сиреневый сад Л. А. Колесникова.

Выражаю благодарность моему Учителю—заслуженному артисту России, Моргунову Андрею Борисовичу. Дорогой Андрей Борисович, большое вам спасибо за веру в меня!

Хочу поблагодарить моего классного руководителя – Лунькову Софью Яковлевну, за веру и поддержку во всех моих начинаниях и лично знавшей мою маму.

Благодарю своего мужа, Татевосяна Сергея Эдуардовича, за поддержку и веру в меня и как в писателя, и как в музыканта.

Выражаю благодарность моему Учителю, преподавателю по вокалу, певице – Аблабердыевой Алле Михайловне! Дорогая Алла Михайловна, спасибо Вам за веру в меня! Ваша поддержка мне очень важна.

Хочу поблагодарить моих друзей из Академии хорового искусства! С каждым днём я шла к своей цели, а вы мне помогали и поддерживали. Спасибо вам: Филипп Мещеряков, Виталий Калачев, Василий Сапожников, Юлия Паршина, Юрий Назаренко, Андрей Красюков, Виктория Шевцова, Екатерина Демидова, Алена Калачева, Вита Васильева, Григорий Попов, Марина Климова, Ирина Леонова, Софья Орешко, Наталия Риттер, Татьяна Лоншакова, Елизавета Светозарова, Полина Нестерова!

Благодарю своих друзей из колледжа МГИМ им.Шнитке: спасибо, Юлия Урбах, Андрей Андреев, Александра Вилькина, Анна Сенина, Ельмира Дадашева и Маргарита Урбах! Как хорошо, что вы есть!

Особую благодарность выражаю актрисе театра «Школа драматической пьесы», коллеге по ГАСК Росси п/у В.К.Полянского – Виктории Смольниковой, а также пианисту, концертмейстеру и фотографу – Олегу Данилову. Большое спасибо за веру в меня!

Выражаю благодарность Владару Бондареву – журналисту, фотографу, преподавателю музыкально-хоровой школы «Радость». Владимир, Спасибо за веру в меня как в писателя! И спасибо за то, что меня помнят и ждут в любимой хоровой школе!

Отдельно хочу поблагодарить моих подруг – Екатерину Палагину, Наталью Рублёву, Глафиру Дикую, Наталью Горбачеву, Марию Лунькову и мою подругу детства – Елену Памурзину. Спасибо вам за поддержку и веру в меня!

Благодарю регента храма св. Георгия Победоносца в Коптеве Елену Дикую. Матушка Елена, спасибо за веру в меня!

Благодарю за подаренное вдохновение на протяжении всего курса – Елену Шуликову. Спасибо, Елена! Мне были важны Ваши теплые слова, поддержка и то, что район Сокол Вам также дорог.

Благодарю за поддержку психолога, театрального критика – Ирину Фьелльнер-Патлах. Спасибо, Ирина за Ваши поддерживающие видео, посты и мудрые советы.

А также, благодарю свою мастер майнд группу, за наше содружество на протяжении курса «Пишу книгу». Особую благодарность выражаю Татьяне Кореневой за отзывы и поддержку в кризисные минуты, а также благодарю Антона Копырина за идею названия книги. И, наконец хочу поблагодарить всю команду Free publicity school, особая благодарность моей Бадди – Наталье Шохиной. Спасибо вам за помощь. Сколько было пройдено вместе и преодолено!

Спасибо, Екатерина Сухочева-Вечканова за ваши отзывы и поддержку!

Спасибо Екатерине Иноземцевой за возможность участия в этом курсе!

Часть 1. Анечка.

Глава 1. Недавно мне было 15.

Помню, будто вчера было... Я иду вдоль реки Таракановки. Жаркий летний полдень. Вон, как плещется рыба в воде, значит быть теплу ещё долго. Я живу в доме номер 5 села Всехсвятского. Своих настоящих родителей я не помню. Старшая сестра в моей приемной семье как-то сказала, что меня им на порог подбросили цыгане. Да меня так и зовут в шутку – «наша цыганочка». Я и не обижаюсь. Волосы у меня иссиня-черные, как смоль, глаза и брови тоже. И как-то в нашем селе остановился шатёр с цыганами. А я с подружкой-одноклассницей, напросилась к ним в гости. Так они меня нарядили по-своему. Подарили мне бусы из монет, несколько юбок в пол, серьги из серебра. Но отец потом меня ругал. А мама грозилась отлупить, если ещё раз к ним пойду. Говорила:

– Оберут до нитки, ещё и расскажешь, где мы живём и корову нашу утащат.

И было это в 35-м году. А помню, будто позавчера. Ещё в том году тогда упал самолёт «Максим Горький», и мои одноклассники бегали, всё надеясь найти осколок какой от самолёта, чтобы на память домой забрать. Мне тогда 12 лет исполнилось. Училась я хорошо – на 4 и 5. Вот только с математикой всё как-то не в лад шло. Но меня и не ругали дома за двойки по алгебре.

До войны, конечно всё по-другому было. Помню, как-то зимой, в мороз пошла кататься на санках с горки. Отец смастерил санки из досок, что лежали возле сарая. Мама всё ругалась, что надо бы выбросить, а то лежат бесхозные. Но папа находил пользу для любой, казалось бы ненужной вещи. И вот, я иду замотанная в серую вязаную шаль, одни глаза оставила открытыми. Холодно, ветер пронизывающий, а мне кататься надо позарез. Забираюсь с трудом под порывами ветра на большой холм. Летом ещё сюда привезли несколько машин с землёй. И эта земляная гора покрылась снежными сугробами, а сверху наст. И вот, на большой скорости, со свистом в ушах, я лечу напрямиком в Таракановку. Река успела покрыться только верхним слоем льда. И я оказываюсь по шею в студеной воде. Было настолько больно и страшно, что я не могла пошевелиться, а ноги мгновенно онемели. Но мне повезло. Какой-то мужик заметил меня издали и бросился к реке, скинув сапоги и тулуп. Он вытащил меня одной рукой за загривок, как котёнка. На берегу стояли, разинув рты, две женщины. Одна, что постарше, воскликнула, всплеснув руками: «Батюшки святы! Так это ж Анька Соловейко!» Она сняла с себя шерстяной платок, обмотала меня и сказала: «Ты, Вить, отнеси ее домой. В пятом доме они живут». И меня понесли.

Дома мама с причитаниями и с плачем снимала с меня мокрую одежду за печкой. А этого Виктора посадила пить чай и угостила спиртовой настойкой.

Когда мой спасатель ушёл, мама спросила: «Ну, а сани твои где? Небось утопила?» Мне нечего было ответить. Мама тяжело вздохнула и добавила:

– «Ох и горе мне дочь. И что с тобой делать?» Но потом быстро успокоилась, позвала старших сестёр помогать с ужином. А мне велела у печки греться, рядом с нашим котом Барсом. Так я и сидела.

Вот за что меня соседи любили, так это за голос. В школе учителя говорили, что я оправдываю свою фамилию. Соловейко – соловей. Так меня и звали часто. Конечно, по пению у меня всегда были только пятёрки. И в школьных спектаклях мне главные роли давали. А моей мечтой было сыграть цыганку Радугу из повести М. Горького «Макар Чудра». И костюм был уже готовый, настоящий.

А пока в школе спектакль этот не ставили, я дома наряжалась и воображала себя то грузинской княжной, то персидской царевной. Старшие сестры надо мной смеялись:

«Ань, ну чего опять вырядилась? Шла бы в огороде маме лучше помогала!» – говорила Катя – самая старшая, а Маша, средняя, всё повторяла:

«Нечего глупости говорить! Шла бы почитала что-нибудь! Вон какая у нас библиотека в школе!»

Но я не обращала ни на кого внимания. У меня уже была мечта, и я ей ни с кем не делилась.

Помню, по весне уже совсем тепло, дождь пройдет проливной и воды наберется целая бочка, потом на солнце нагреется и можно устраивать «праздник Нептуна». Мы с Катей и Машей бегаем, обливаем друг друга водой из ушат. А ещё я любила втихаря ото всех на нашей корове Зайке кататься. Конечно, мама ругалась, если вдруг увидит. Но я всё равно каталась. Подойду к Зайке, мирно пасущейся недалеко от нашего дома, скажу ей ласково:

– Заюшка, ну покатай меня пожалуйста. – а она будто меня понимала. Махнет головой и хвостом, я легко на неё забиралась, и Зайка молча брела вдоль улиц. И названий улиц теперешних не было. Были просто пронумерованы и названы как и речка наша Таракановка. Первая, вторая, третья Таракановские. Это уж потом, когда начали строительство больших домов, появились названия Песчаная, Новопесчаная. Всё потому, что кругом песок был.

И вот, однажды я так еду на Зайке домой и что-то петь начала. Сейчас и не вспомню что. Но так слышно меня было на несколько домов, это не в полный голос. Так я не заметила, как собралась толпа слушателей. Среди них оказался странный гражданин, похожий на знатока оперы и театра.

– Вы где-то учились, или учитесь петь? – спросил он серьёзно. На вид ему было лет 45, может чуть больше. Одет был не по-здешнему, на голове шляпа, сам в костюме и с портфелем в руке. В общем, странный товарищ.

Я тут же слезла с коровы.

– Нет, меня отец учил украинским песням, сам поет иногда, я с ним вместе. А теперь, вот, в школе разучиваем, – ну, что с меня взять? Я ответила как есть, в 13-то лет.

Он ничуть не изменился в лице и спросил:

– А вы не хотите стать певицей?

Я совсем смутилась. Со мной на «вы» ещё никто никогда не говорил.

– Хочу!

– Тогда придите завтра в дом номер 11, к 14 часам. Сможете? – спросил он заинтересованно.

Я немного подумала и решила:

– Смогу!

Уж очень мне стало интересно, да и я была уверена в себе, знала, что пою хорошо.

Дома я не стала ничего никому говорить. Знала, что мама меня не пустит, сестры будут страшать, а младший брат Саша будет за мной гоняться и дразнить: «Нюрка – артистка! Нюрка – артистка! Из погорелого театра! Ха-ха!» Он так часто меня дразнил, я за это его лупила полотенцем. Но он все равно за свое – ещё больше дразнился. К вечеру, я рискнула рассказать о своем происшествии отцу. Он всегда меня поддерживал, любил слушать, как я пою. И мы с ним договорились держать тайну ото всех остальных. Я подготовила песню, которую папа со мной разучил, когда мне было ещё 7 лет – «Реве та стогне Дніпр широкий». Папа часто плакал под эту музыку. Он очень тосковал по Харькову, откуда вынужден был уехать вместе с мамой и маленькой Катей. Говорил: «Война тогда шла, 18-й год, голод. Мы и уехали» и больше особо не ничего. А я и не спрашивала, будто понимала, что лишние вопросы приведут к чему-то плохому.

На следующий день, я уже шла по дороге к загадочному дому номер 11. Заплела волосы в две косы, надела платье Маши – она меня постарше на два года, ей уж 16-й год шёл, а мне хотелось выглядеть солидно. Подойдя к дому, заметила висящую над порогом подкову. Такие подковы многие вешали у себя в сенях. Мне было волнительно заходить, но я осторожно постучала в дверь.

Открыла молодая женщина, лет 30. Она была хорошо, даже богато, одета. Как городские одеваются. Заулыбалась и спросила:

– Вы прослушаться пришли?

– Да!

– Проходите пожалуйста, садитесь.

Я зашла в темную по сравнению с ярким светом на улице комнату и села на высокий стул. В комнате сидел вчерашний незнакомец и ещё какой-то мужчина средних лет. Незнакомец обрадовался мне:

– А вот и амазонка на корове! – радостно сообщил он всем.

Я смутилась, мне было не смешно.

Спросил:

– Ну, и как вас зовут?

Сидящие в комнате ждали от меня ответа.

– Аня. Аня Соловейко.

Другой мужчина потер руки и спросил:

– Что петь будешь, Аня Соловейко?

Я ответила:

– Песню. Народную.

Мужчина как-то странно на меня посмотрел, будто с недоверием, затем сказал

– Ну, пой народную, Аня.

И я запела. В полный голос. Комната наполнилась какой-то необъяснимой энергией. Казалось, что я тогда могла зажечь собой свет. Я наполняла все пространство вокруг. Такое чувство, что стекла в окнах звенели на верхних нотах. Когда я допела, комиссия, состоявшая из двух человек, загадочно молчала. Затем, тот, что потирал руки, сказал:

– Аня, я набираю группу ребят в театрально-оперную студию. Тебе хотелось бы там учиться?

Ну, что тут ответить. Счастью моему не было предела. Конечно, я согласилась.

– Да, хочу! А куда надо прийти? – чуть не забыв от переполняющих меня эмоций, спросить время, адрес и вообще, как все будет происходить.

Иван Александрович, как представился мой будущий преподаватель по вокалу, рассказал, что занятия будут проходить в недавно построенном доме культуры, и мне надо будет прийти послезавтра, ровно в три часа.

Я ушла и совсем забыла поблагодарить того человека, который меня пригласил на прослушивание. А возвращаться было как-то неудобно. «Ну, да ладно» – подумалось мне. – «Не сегодня, так завтра» и уже уверенно побежала в сторону дома, а по дороге всё думала кто такая амазонка и почему меня так называли.

Прибежав домой, я, запыхавшись, стала пить воду прямо из ковшика, что в ведре с водой плавал. Отца ещё не было дома, а хотелось спросить, кто живёт в доме номер 11, ведь он наверняка знает – работает сторожем в лесу. Как что не так, многие к нему из села прибегали. Наш дом неподалёку от окружной железной дороги стоит, и станция наша «Серебряный бор» называется. А отцу большую территорию для охраны выделили. Сам Серебряный бор аж в Покровское-Стрешнево уходит. Вот какой лес большой.

Отец пришёл очень поздно, а я забылась за уроками. Мама гладила старшей Кате платье, ей завтра исполнялось 20 лет. Мама причитала: «Краса девка, да жениха нет». А Катя и в

самом дела была хороша собой – темно-русая коса дважды обвита вокруг головы, брови темные вразлет и большие глаза. Катя тоже была приёмной дочерью, у нее умерли родители, где и как теперь уже никто не знал. Папа только говорил: «сам дьявол пришёл на Украину», потом отворачивался и тихо плакал. Катя до 5 лет почти не разговаривала, но наши родители выходили, вырастили в любви. Теперь она отличница, поступила в институт на вечернее отделение, днем работала на заводе.

Родители мечтали, чтобы мы учились. Сами они были полуграмотными – мама вообще крестом расписывалась, а папа старался усваивать, как говорится, на лету. Где чего услышит – то и запомнит. Даже со мной стал учить немецкий язык. Так, со стороны, в селе никто и не знал, что в нашей семье кто-то неродной. Все мы друг друга любили и старались помочь, кто в чем горазд.

На следующий день наша семья готовилась поздравить Катю с днём рождения. Мама всё хотела именины отмечать, как по старинке, но папа беспокоился и говорил, что лучше не «вступать в контры». Что он тогда подразумевал, не знаю. Но частенько они с мамой тихо между собой переговаривались, чтоб дети не слышали, а мама плакала, когда в округе стали ломать церкви.

Итак, наступил день рождения Кати. 20 мая 36-го года. У нас в семье денег немного было, но папа с мамой старались, чтоб на праздники мы были нарядными. А младшему брату Сашке мама сшила настоящий костюм. Я очень радовалась за Катю, но вся была в мыслях о завтрашнем дне, моём первом настоящем занятии по вокалу. Я всё ждала момента, когда папа отлучится от застолья, чтобы рассказать ему происходящее.

Мы дружно уминали приготовленный в печи мамин пирог с прошлогодними яблоками. А потом мама подала борщ, и мы ели деревянными ложками. Маленький Сашка любил за столом баловаться: то меня ущипнёт, то Машу за косу дёрнет. А папа грозился в шутку: «Эй, малой! Сейчас ложкой по лбу кааак дам!» и замахивался, а мы смеялись. Конечно, Сашку никто не наказывал.

После сытного обеда я, наконец, подошла к папе, взяла за руку и потащила в нашу с Машей комнату: «Папа! У меня завтра первый урок пения! Ты знаешь кто живет в одиннадцатом доме?» – свалив все вопросы в кучу, налетела я.

Папа растерялся сначала, затем стал перечислять: «Значить, это... в десятом живут Дугины, в девятом Студенкины, а в одиннадцатом... там вроде какой-то богатый человек живёт. Говорят, это его дача здесь, а сам он из города. А тебе по что надо?» И посмотрел, будто я что-то неладное задумала.

Я и рассказала про вчерашнее прослушивание и про знакомство с моим будущим учителем из дома культуры.

Я рассчитывала как и обычно на поддержку, но попала впросак.

Папа позвал маму. «Всё пропало» – промелькнуло у меня в голове. И странно было, ведь он знал, что я прослушиваться иду. Мама прибежала вместе с задиристым Сашкой. Он всегда чувствовал неладное и из-за угла поддакивал ругающей маме. Меня это всякий раз злило, но я решительно не обращала внимания. Отец попросил повторить сказанное ему. И никакие попытки остановить его ничем не закончились. Мама слушала, заламывая руки, и вздыхала. Сашка смотрел на меня, как, наверно, смотрит паук, когда в паутину попадает бабочка. Ему все было зрелищно и забавно. В эти минуты я его ненавидела. Только Катя, заслышав укоры родителей, пришла меня поддержать. Мама говорила: «Как ты вообще могла позволить себе пойти к какому-то человеку в дом? А вдруг...». И тут началось. «Вдруг, тебя бы обидел кто? А кто их знает, этих городских...». И последними ее словами были: «Аня! Никакого пения!! Слышишь? Чтоб я даже не слыхала больше! Завтра, вон, пойдём со свеклой возиться, хоть какая от тебя польза будет» (недавно нашей семье выделили небольшой земельный участок для

посадки картошки и свеклы в Покровском-Стрешнево). Положение – хуже некуда. Я угрюмо согласилась, ничего не подделаешь.

Погоревала час и стала продумывать план, как удрать завтра от мамы и сестёр. Как я могу пропустить занятие? Да и огород терпеть не могу.

Ночью, к нам с Машей в комнату пришла Катя. Родители всегда думали о нас, поэтому, с недавних пор, у Кати была отдельная комната. Катя тихо постучалась. Маша спала, отвернувшись к стене, а я не могла и глаз сомкнуть. Сестра зашла и села на край моей кровати.

– Ну что, Ань, как быть-то завтра? – спросила она печально.

Меня это только разозлило:

– Как быть?! Я всё равно пойду! – молниеносно вспыхнула я, будто ожидая, что Катя пришла отговаривать от затеи.

– Ну, ладно. Ты иди, а я что-нибудь придумаю – подмигнула она.

Так, у меня появилась поддержка. Да тут и Маша повернулась в нашу сторону и добавила:

– А я не сплю, и всё слышу. Правда, Ань, иди. А мы с Катей маму отвлечем и придумаем что-нибудь. Тебе надо петь, уж всё село подтвердит!

Я была счастлива, что моя семья для меня опора. И не нашла, что ответить, кроме как:

–

Ну, раз у меня такие сёстры, то и умереть не жаль!

Не помню, откуда цитату взяла, но очень она мне нравилась.

Маша только рукой махнула, да ответила:

– Вечно ты, Анька, чепуху городишь! Послушать нечего! – и все мы засмеялись, да так, будто забыли, что ночь на дворе. Только сердитый кашель отца нас усмирил.

Проснулась в 6 утра кое-как, часа три я всё же проспала. Надела Машины туфли без каблука, тихо пробралась в сени. Туда мне Катя вынесла отглаженное платье и ленты в косы. Я решила идти в школу уже при параде. Всё-таки, первое занятие по вокалу, да и вообще, мне хотелось производить впечатление начинающей артистки. Так и отправилась, решив пойти долгим путём, через большой сквер. Времени до начала первого урока ещё было много, поэтому, несмотря на запреты родителей, я свернула и решила, прямо с утра зайти в 11-й дом и поблагодарить того человека в шляпе, что привел меня на прослушивание. Я уже подходила и увидела нечто странное: калитка была распахнута, дверь в дом тоже была открыта. Стояла тишина и было непонятно, есть ли там вообще кто-то. Я осторожно прошла по аккуратно недавно выложенной плитке. Тишину постепенно наполняли трели соловья где-то в кустах и жужжание пчел, на повсюду проросшем люпине. В доме никого не было.

Я быстро вышла и побежала что есть силы оттуда. Мне было страшно и что-то внутри сжималось. Там, на маленькой террасе, были видны следы борьбы и около входной двери на полу было пятно запекшейся крови.

Я бежала, сломя голову, спотыкаясь о коряги, боялась, что за мной кто-нибудь погонится. Добежав до школы, я остановилась перехватить дыхание. Немного придя в себя, я пошла в класс. Учительница стояла около двери и как обычно, здоровалась с каждым из вошедших. Она окликнула меня:

– Аня! Ты почему не здороваешься? Что случилось?

– Простите, Галина Тимофеевна. Я... – и больше я не смогла ничего сказать. Весь учебный день прошёл как в дыму.

Приближался час моего первого занятия. Я шла через оставшийся кусочек леса с буреломом. Когда мне тревожно, я всегда там гуляла. И вот, уже виднелся угол дома культуры.

Зайдя внутрь, растерялась. Высокие потолки, колонны и две какие-то женщины говорили, что скоро приедет кто-то что-то проверять. Было заметно, что они нервничали. Завидев меня, спросили:

– А тебе что здесь нужно? Ты что-то ищешь?

– У меня занятие. У Ивана Александровича – невнятно произнесла я.

Женщины переглянулись, затем одна из них произнесла с какой-то траурной интонацией:

– Его сегодня не будет. Приди через неделю.

Но тут я увидела самого Ивана Александровича. Он зашёл через черный ход в здание и поспешил по лестнице на второй этаж. Я побежала за ним.

– Иван Александрович! – кричу я. – Вы меня помните? Я Соловейко Аня!

Он оглянулся, улыбнулся:

– Как не помнить, помню, конечно!

Я уже отчаялась, но набралась отваги спросить:

– Так мы будем петь, или нет?! – ведь он не знал, как трудно мне было отлучиться от домашних дел и запретов.

Он ответил мягко:

– Будем, Аня. Обязательно. – и посмотрел куда-то прямо, будто что-то задумывая.

Тут я захотела спросить, не знает ли он случайно, что произошло в том доме, но что-то меня остановило. Он добавил:

– Ну, пойдём, попробуем тебя распеть, – и указал дорогу к аудитории.

В кабинете стоял старинный рояль, накрытый махровым покрывалом. Было холодно и душно, и я сама решила открыть два огромных окна. Майский воздух влетел, принося с собой запах цветущих полевых цветов и хвои.

Я изо всех сил старалась показать «мощь» своего голоса. И наверно, со стороны это выглядело забавно. После первого упражнения, преподаватель сказал:

– Ты всё село решила оглушить? – и засмеялся.

А я и не думала шутить. Потому ответила строго:

– Хочу чтобы меня все услышали.

Затем добавила:

– И аплодировали стоя!

Иван Александрович похвалил мой залихватский дух и настрой. Но сказал, что надо много работать, что «кричать» в пении нельзя и ещё много чего интересного, сейчас уже не вспомнить. Но распел он меня тогда до «верхнего до». Это, вроде третья октава, да?

Домой летела на крыльях.

Около дома мама развешивала на верёвке бельё. Я пригнула спину и спряталась за широкой простыней, надеялась проскользнуть в дом незамеченной. Но только начала красться, как мама комендантским возгласом меня пресекла:

– А ну, стой! И куда идём?! – спросила она, держа в руках таз с мокрыми полотенцами.

Я впервые испугалась. Не наказания, а того, что мне пришлось соврать и ещё сестер к этому привлечь. Мама была сейчас голосом моей совести. Она никогда не ругалась сильно, больше причитала и иногда плакала, если уж совсем что серьёзное случится.

– Ты пошла на пение? Знаю! Уж и так, и эдак тебя Катя с Машей прикрывали, а мне поди докажи! Но я-то знаю твой нор. И ладно бы правду сказала, мы бы может с отцом и не стали перечить. Но ты врешь! А это ох как нехорошо!

Я молча стояла и слушала, опустив голову и рассматривая туфли. Тут и отец подоспел.

– Ну, шо, Ань? Кто тут врет у нас, а? Щас как ложкой по лбу дам! – и прошел в дом, дав мне щелбан по шее.

Мама немного отошла:

– Лаадно уж. Иди остальным помогай! Отметим твое первое занятие! Но смотри мне! Шоб больше не врала, не то отлуплю! – и подгоняя меня мокрым полотенцем, пошла за мной в дом. Как вчера помню.

За ужином тогда, отец и сказал:

–

А в 11-м доме, арестовали того, городского. Ночью, говорят Студенкины слышали, как машина приехала за ним. Шо за черт? Тихий ведь человек, никому не мешал.

Я совсем притихла, боялась рассказывать об увиденном с утра. Решила только с Катей поделиться.

Ночью, когда все уже спали, я пробралась к сестре и рассказала о распахнутой калитке, открытой двери и маленькой террасе, где были разбросаны какие-то фотографии и письма, о следах крови на полу. Катя меня внимательно выслушала, затем ответила:

– Ты, Аня, помалкивай. И больше никому и никогда про это не рассказывай! Тем более своему преподавателю! Ты нигде не была и ничего не видела, поняла?! – она смотрела на меня серьёзно и очень строго. Я кивнула в ответ. Катя добавила:

– Ну, а теперь спать. Поздно уже. И ты спи давай, забудь о том, что видела!

Я пошла в нашу комнату. Маша спала, отвернувшись к стене, а может и не спала.

Мои занятия раз за разом давали положительный результат. Во всяком случае, Иван Александрович меня хвалил. Правда, с другими ребятами, поющими у него, я совсем мало общалась. Всё было некогда, а спектакли ещё не ставили. «Сначала надо научиться азам, только потом будем что-то ставить», – каждый раз говорил наш преподаватель на все мои нетерпеливые вопросы о постановках.

Месяц за месяцем прошёл и год. На зиму родители запасались дровами, складывали в сених. Дом наш был бревенчатый, хорошо сколоченный. Были в округе разные дома, а бревенчатых немного.

Кто-то из жителей города переезжал сюда насовсем. Разбивали сады, огороды прямо на участках. Одним из таких жителей был и Леонид Колесников. У него здесь была дача, но с недавних пор он жил здесь постоянно. Мы знали, что он работал на автобазе, но было у него увлечение – цветы. И полюбилась ему сирень. Высадил он два сорта кустарников, а мы, дети, ходили, глазели. Нам это всё в диковинку было. Наши-то родители не высаживали цветов, всё больше картошку, свеклу, капусту, чтоб зимой было, что есть. А сирень цвела, благоухала и оставляла за собой шлейф таинственности и того, что я не могла себе объяснить, но что так меня притягивало.

Помнится, одна из ветвей бордовой сирени выглядывала из-за ограды участка Колесникова, а я тогда сорвала верхушку и себе в волосы вплела. Косы у меня толщиной в руку были, каждая. Да так я в школу и пошла, с сиренью. Мне всё девчонки завидовали, говорили: «Аня, ну ты невеста на выданье!» Сирень-то необычная была и называлась как-то, не то «Пламя Парижа», не то «Красавица». У Колесникова каждый куст имел свое название. Он и говорил: «Они, как дети. У всех должны быть имена».

Летом, наша Катя вышла замуж. Как сейчас помню, платье ей мама сама сшила. Долгая работа была. Материал для платья нам подарила одна дама. Она приходила иногда на концерты в дом культуры. Любила слушать «молодые таланты», я уже всю романсы пела. Говорят, ей выделили дом в посёлке «Сокол», она как раз из центра Москвы переехала. Пришла как-то на концерт, подошла, поцеловала в щёку и сказала: «Тебя большое будущее ждёт. Ты пой обязательно. А вот вам подарок, для семьи». Я пакет разворачиваю, а там скатерть белоснежная. Ну, нам ее некуда стелить было, а платье Кате не из чего было шить, вот мама и смастерила, да такое, что никакая принцесса бы с нашей Катюшей не сравнилась бы. А мы с Машей и уже подрастающим Сашкой не знали, что подарить. Денег не было, а фантазии хватало только на цветы. И вот, мы втроём пришли к молодому тогда Колесникову. Сказали, так и так, что свадьба будет. А он нам охапку белой сирени отдал, со словами: «Держите, ребята, вам на сча-

стье!» Никогда не забуду. А мы как счастливы были! И шли домой радостные, вдыхая аромат. И полюбила я с тех пор сирень, и нет никакого цветка для меня лучше. Ну, разве что астры по осени, или хризантемы.

Жених Кати был начинающим инженером-строителем. Ему только 21 год исполнился. Хорош был и внешне, и как человек, нашей Кате под стать. Мы были счастливы за неё.

А через год им дали отдельную комнату в Москве, это уже 1938-й был. Но они к нам на выходные всегда приезжали. Толик – муж Кати, отцу помогал во дворе. И Сашка наш к нему очень тянулся, ведь он всегда мечтал о старшем брате. Нелегко ему, видать, было среди нас, женщин.

И в 38-м году, у нас в доме культуры уже начались постановки спектаклей. На первый спектакль я родителей позвала и сестёр, а Сашку не захотела звать, вечно он вредничал.

И вот, выхожу я на сцену, помню, в белоснежном платье, сшитом из занавесок. Пела я тогда арию сложную очень, Царевну-лебедь, учила всё на слух. Заниматься дома не было возможности, а в доме культуры время было ограничено. Я открывала концерт этой арией, а закрывала Шамаханской царицей. Тут меня выручил армянский костюм. Его мне дала моя одноклассница, живущая по ту сторону Ленинградского шоссе в армянском доме. А к костюму я надела подаренные цыганами бусы из монет и серьги. Да, тогда Сокол был таким местечковым приютом для беженцев. Мой отец бежал из Украины от голода и войны, армяне бежали от Турков в 1915-м году ещё, и некоторые здесь остановились, во Всехсвятском. Было много поляков и литовцев. С нами они тоже в классе учились. Все мы тогда дружили и выручали друг друга.

Так вот, после моей Шамаханской царицы, к сцене подбегает Сашка и бросает мне букет полевых цветов. Вот так младший брат признал, что я не просто так «свирищу сверчком». И в этом армянском костюме меня запечатлел на снимок, какой-то молодой человек, года на два меня старше. Я тогда так и не узнала его имени. Но он все глаз от меня оторвать не мог. Весь концерт наверно ждал моего выхода, после арии Царевны-Лебедь. Но больше, с того раза я его не встречала ни разу. Нам только почту принесли, помню. А в конверте фото. До сих пор вон, в альбоме хранится.

А родители тогда всё шутили: «Никак от ухажера фотография?» Я обижалась сразу. Но оставаясь наедине с собой почему-то про него думала. На конверте тогда я прочла обратный адрес: город Москва, улица Белинского, дом 5 От Дементьева Дмитрия Олеговича.

Но время шло своим чередом, наступала пора экзаменов в школе. Я заканчивала 8-летку, думала пойти работать и продолжить занятия по вокалу.

На хлебозаводе, далеко за Ленинградским шоссе, требовались работники, и я готова была к трудовому бою, лишь бы не бросать пение. В семье меня поддержали. Так, что я не боялась экзаменов, а про алгебру даже и забыла думать. Конечно, учителя в школе интересовались: «Аня, куда поступать будешь?» А я с гордым видом, широко улыбаясь отвечала: «Хлеб всему голова!» – и убегала. О своей мечте я почти никому не говорила. Взращивала ее в себе, как любимого ребёнка растит мать, стараясь не показывать его кому ни попадя.

Вот так и завершились мои школьные озорные годы. Я вступала во взрослую жизнь, и мне это нравилось.

Глава 2. Цвет сирени.

Год промелькнул, а я и не заметила, как мама поседела. Она серьёзно заболела. Все мы старались ухаживать за ней, помогать. Она все отмахивалась: «Да шо вы меня, старую жалеете? Вон, как нынче яблони зацвели, авось хороший урожай будет». У Кати с Толиком родился сын – Федор. Они всей семьёй приезжали теперь нечасто. Сашка, наш младший брат, подрос решительно. Ему уже 13 лет было. Мы всё думали, какое у него будущее, а он говорил, что пойдёт в ремесленное. Папа так и работал сторожем, но тоже сильно сдал за последние полгода. Мамина болезнь его подкосила, но он хорохорился. Говорит: «Голова болит, сердцу легче». Поэтому теперь за старших в семье были я и Маша. Мне уж 16 исполнилось, два месяца как, а Маша на три года раньше родилась. И повадился за ней ухаживать один кавалер. Станный он уж больно был и неразговорчивый. Кто-то мне про него говорил, что он ей стихи пишет. Вот только Машка скрытная стала и ничего мне не рассказывала. Я как ни спрошу, а она одну бровь поднимет и надменно ответит: «Ты, Аня куда идёшь, петь? Вот и иди! А свой нос не в свои дела не суй!» – и уходила в комнату, со своей зловердной прической.

Она заметно похорошела за несколько лет. Да и была единственной блондинкой в нашей семье. Ей все говорили: «Маш, тебе бы с такой внешностью актрисой быть!», но она презрительно фыркнет только и скажет: «Нечего дурью голову забивать! Надо серьёзным делом заниматься, а не юбкой крутить!» И с этими словами всё в мою сторону косилась. Но я на ее «язвы» не обращала внимания. Я-то знала, что лучше искусства нет ничего. Она, конечно, признавала, что я пою хорошо, но характер есть характер. И потому мне очень не хватало Кати, нашей Кати, которая уже стала мамой. С ней мы всегда могли поговорить по душам. И не знаю, почему так сложилось. То ли от того, что мы обе неродные дети были в этой семье, то ли ещё отчего.

А я Машиного ухажера так и прозвала «кавалер». Всё ходила ее задирала, когда она особо вредничала:

– Ну, что, поди опять твой кавалер придёт серенады петь? – затем щипала ее за руки и убегала. Она, ух как злилась, крича мне вслед:

– Ну, погоди, Нюрка! Я тебя ещё догоню! Ох, не порадуюешься!

А я ей, забираясь в сколоченный Сашкой шалаш на яблоне:

– Злыдня—злыдня! Тебе курица не достанется!

В этом году, я стала часто готовить. Маме было очень тяжело, и мы с Машей распределили хозяйство на двоих. Она стирает, я готовлю, она убирает, я глажу, и так каждый день. Мать с отцом приучили нас к порядку. А по воскресеньям Катя с Толиком приезжали, да с маленьким, грудным Федей.

И вот как-то Маша мне говорит:

– Аня, сходи в керосиновую лавку, света совсем нет.

И я иду. Таракановка ещё холодная, весна в этом году выдалась поздняя. Воздух дарит то запах воды, то дым из чьей-то печи. И так тебя разморит от яркого солнца после долгой зимы, что думаешь: «Вот тут бы прямо и заснула, посреди улицы». Время послеобеденное, на улицах мало, кого встретить можно. Только, если мальчишки-сорванцы какие играют в откуда-то раздобытый мяч. Захожу я в керосиновую лавку, а там один и тот же продавец, уж лет 20 здесь работает. Старенький, сухонький Тимофей Матвеевич. Он уже плохо слышит, потому заходила и громогласно заявляла: «Дядя Тим, мне керосину!»

И он знал уже, сколько кому этого керосина надо. Мне он всегда был рад. Говорил: «Ааа, егоза пришла! Как живёшь, егоза?», затем отдавал мне керосин в склянке и не дождавшись моего ответа, уходил к себе в подполье. А я возвращалась, стуча каблуками новых туфель, куп-

ленных Машей на небольшом рынке возле Ленинградского шоссе. И домой сразу идти неохота, дай, думаю, зайду в армянский дом к моей однокласснице Марьяне.

С ней мы подружились не сразу. Только, класса с 6-го начали разговаривать. Нас с ней частенько за сестёр принимали. Черные ее косы ничуть не уступали моим. Вот только хвастаться она была горазда, и за это ее половина класса не любила. Придет с какой новой вещью и давай хвалиться.

Отец ее был каким-то начальником в профсоюзе, а мама – художник. В свое время, дед Марьяны, Ашот Багратович, привез со собой из Армении несколько национальных костюмов. И вот один они мне подарили для моей Шамаханской царицы. Меня их семья всегда гостеприимно принимала.

Марьяна хорошо училась и в отличие от меня получала пятерки по математике. Я всегда удивлялась: и как можно этот предмет понимать, да ещё любить? Для меня все, кто любил математику, вызывали какое-то недоверие. И в каждом знакомом, кто ее любил, я искала подвох. Вот только в Марьяне его не было, ну кроме самолюбования.

Не успела я подойти к армянскому дому, как навстречу мне идет Дмитрий Дементьев, тот самый, что меня сфотографировал! Как?! Какими дорогами его сюда снова занесло?! Он тоже меня сразу узнал, издали помахал рукой, а я прибавила шаг. В этот момент я совсем забыла, что иду в Машинном фартуке, на случай, если прольётся керосин из склянки. А Дмитрий был одет как франт. Между нами сразу чувствовалось социальное неравенство. Поравнявшись, я остановилась и осторожно поздоровалась, переминаясь с ноги на ногу. Меня утешали лишь мои новые туфли и необычно собранные волосы, чай не зря старалась пол дня перед зеркалом. Дмитрий был в костюме «цвета беж» (я как-то услышала такое определение цвета от дамы, что мне скатерть подарила), в фетровой шляпе и штиблетах. Как я поняла, он был студентом и увлеклся фотографией. Приходил в армянский дом, чтобы задать ряд вопросов соседу Марьяны. Я спросила:

–

И давно ты тут шпионишь? – глупее ничего на ум не пришло.

–

Давно-давно. А вы поёте? Вас можно послушать? – спросил он тихо и вежливо, будто я была какой-то величиной в его глазах.

Я смутилась и мгновенно перешла на «вы».

– Да, конечно пою! Приходите на концерт, через неделю!

Он, улыбаясь, ответил:

– Спасибо, не могу обещать, но постараюсь!

И так мы стояли, рассеянно смотря друг на друга. Но я решила попрощаться первая:

– Ну, до свидания! Вы приходите! – и пошла, стараясь прямо ставить ноги в новых туфлях, которые оказались мне немного велики. Я шла и сама себе говорила: «не оборачивайся!», хоть и очень хотелось.

Сначала шла ровно, не спеша, словно что-то вымеряя. Затем припустила, понеслась со всех ног. И уже забыла, что новые туфли мне адски трут.

Дмитрий учился на втором курсе университета. Так мне рассказал сосед Марьяны – Генрих Тигранович Габальянц. Он был достаточно известным в своих кругах учёным—палеонтологом, уже в годах, но мы с Марьяной к нему заходили иногда, он нам всегда что-то да интересное расскажет. Так и через день, после встречи с Дмитрием нам поведал: «А, тут студент приходил, всё меня расспрашивал. Чай ему понравился».

День за днём, я всё ждала приближения выступления. Конечно, мне хотелось петь для Дмитрия, поэтому ходила в дом культуры каждый день и занималась по несколько часов. Мой преподаватель, Иван Александрович, заметил во мне перемены и всё спрашивал: «Аня, что-то случилось у тебя? Поёшь, будто в последний раз!» – а я ничего не говорила. Как о своей

мечте в детстве молчала, так и сейчас молчала о том, что встретила Того самого человека. И для которого хочется петь и быть настоящей примой, будь то театр, или филармония. Но я, конечно, мечтала о театре. И ни о каком-нибудь, а о Большом. Иван Александрович в меня верил, видя мою уверенность в себе и талант.

Меня теперь приходили слушать и из соседней деревни Коптево. Дома поддерживали, и родители за меня были счастливы.

День выступления совпал со сменой на заводе, я попросила знакомую поработать за меня, на что она любезно согласилась. На концерт я надела лучшее платье, недавно пошитое в ателье одной почтенной особой. Кто-то мне говорил, что она ещё при царе шила наряды для барышень. И в самом деле, в платье я походила на саму принцессу заморскую. Оно было длиной в пол и цвета вечернего неба. Помню, сколько мне комплиментов сыпалось... А затем я узнала, что у Вертинского, когда он жил не в Союзе, был костюм «цвета сумерек». И сразу мне вспомнилась та модистка, словно из другого мира. И с каким ажиотажем она принялась за работу! Сейчас уж и не найти таких мастеров. А материал на платье мне Катя наша дала. Ей на работе сделали подарок, а она мне на 16 лет его вручила, со словами: «Тебе нужнее, ведь кто у нас артистка?» – вот такая у меня старшая сестра.

В день тот, помню, на улице слякоть, лужи кругом. Недавно гроза прошла, но майское тепло дарило настоящее счастье и ожидание чего-то невозможного. Я иду в концертном платье, «цвета сумерек», стараясь не подметать подолом землю. В волосы уже по традиции вплела верхушку сирени, что проросла неподалеку от дома. На этот раз цветки были ярко-голубого оттенка, контрастируя с моими смоляными волосами.

Я буквально влетела в репетиционную, едва успев к назначенному часу. А сегодня был мой первый сольный концерт. Пусть небольшой, всего на час, но всё же мой.

Иван Александрович разрешил мне самой распеться, в первый раз. Обычно, на занятиях он сам это делал. А у меня внутри было столько энергии, что казалось, смогу взять верхнее «до» сразу, без распевки. Но всё же рисковать не стала. Переобувшись из галош в лаковые черные туфли, критично рассматривала себя в зеркале. Туфли явно шли наперекор цвету платья. Но ничего исправить нельзя, туфли были единственными и только концертными. Я их купила в прошлом году и про себя молилась, лишь бы не вырасти. Купить новые сейчас было сложно, деньги нужны были на семью и на лекарства маме.

До выхода на сцену оставались минуты. И тут в репетиционный зал заходит Дмитрий. Он постучался, но не дожидаясь ответа, позволил себе войти. Я стояла спиной к двери и поздоровалась с его отражением. Он, улыбнувшись, ответил мне в зеркале. Так и стал дальше общаться с моим отражением:

– Аня, я обещал и вот я здесь! – сказал он, сняв шляпу, как герой из книги.

Меня смущали подобные жесты, я не привыкла к манерам городских, и начала злиться, что не соответствую. Скорее всего, он будет меня держать в жутком напряжении, с таким слова не проронить. И я подумала оборвать все мысли о нем, как о каком-то серьезном будущем. Решила, что в лучшем случае буду дружить. И, наконец, повернувшись к нему лицом, глядя прямо в глаза сказала:

– Мне пора! А вы... вы идите в зал и слушайте меня оттуда! А сюда нельзя приходить никому! – я почувствовала, как горят щёки и начали трястись колени. От волнения ещё больше разозлилась:

–

Всё!! Идите и слушайте! И не забудьте закрыть дверь с той стороны!! – и с этими словами, вышла, оставляя поклонника в полной растерянности и непонимании.

Я вышла на сцену в зале, полным зрителей. В первом ряду сидел Сашка и нагло лопал мороженное. Я хотела погрозить пальцем, но взяла себя в руки.

Первое отделение меня слушали, затаив дыхание, все мои родные, даже мама нашла в себе силы прийти.

Я видела Дмитрия. Он сидел в третьем ряду, но я почему-то боялась встретиться с ним взглядом. Пела тогда песни из фильмов «Весна», «Цирк» и «Волга-Волга». Не все, кто жил в селе, тогда видели эти фильмы, но музыка нравилась многим. А завершила отделение двумя романсами Чайковского. Последние произведения пелись уже на исходе сил, в горле пересохло, и я сгорела эмоционально, ещё, когда распевалась. Я чувствую, как покалывает ноги от туфель, которые не предназначены для длительного ношения. Они жмут мне в пальцах, и я мечтаю от них избавиться, как только уйду за кулисы. После небольшого перерыва началось второе отделение, и я стала глазами искать Дмитрия. Теперь мне было неловко, что его так неуклюже отставила. Искала, но так и не нашла, а его кресло было пустым. Я сразу же сникла, и петь стало в тягость. Дотянув мою любимую арию Шамаханской царицы, я быстро покинула сцену. Мне было приятно слышать комплименты и похвалу моего учителя, да и зрители благодарно улыбались, заявляя, что непременно придут ещё.

Уже в дверях, на выходе, я лицом к лицу столкнулась с Дмитрием, который достал из-за спины пышный букет белоснежной сирени. Он сказал тогда:

—

Я заметил, что в вашей причёске цветки сирени. Может быть вы любите эти цветы?

Я ошалела от счастья, но виду не показала. И научившись у своей сестры, надменно поднимать одну бровь, произнесла: «Спасибо! Была рада вас видеть!» Потом, через паузу добавила: «Что ж, приходите ещё, коль нравится» – тут я поняла, что последние два слова были лишними. Сразу покраснела и раздражаясь на собственную слабость, проговорила, с расстановкой: «До сви-да-ни-я, Дмитрий!» – и пошла, приподняв обеими руками платье и вышагивая галошами, представив, как ходили барышни, держа спину ровно, придерживая подолы. Мне тогда казалось, что со стороны я выглядела эффектно.

Я очень не хотела, чтобы он узнал о моей работе на заводе. И вообще, поняла, что предательски стесняюсь своей семьи. В голове было тысяча мыслей: «А что, если он узнает? А вдруг?..». И все эти доводы мне не давали покоя. Ведь самое страшное – разочаровать объект восхищения. И тогда, я начала придумывать историю как выкрутиться, чтобы никогда его не представлять родителям. Моим спасителем будет Катя! Так я решила. Старшей сестрой я гордилась. Она всем нам во многом подавала пример, да и жила в городе. И в случае чего, можно будет навеститься к ней в гости вместе с Ним. Если, конечно, он ещё придёт. Так я шла домой длинной дорогой, поскользываясь на размякшей от дождя земле и собирая подолом платья воду из луж.

Май подходил к концу. Пышное цветение с изумрудными клейкими листочками, постепенно преобразалось в зрелую летнюю радость. Где наши игры с сестрами в «Нептуна», когда под первыми майскими лучами солнца вода нагревалась до температуры тела, а то и выше? Где наш смех? Я чувствовала, как взрослела. По вечерам теперь ходила на танцплощадку, где играли танго и фокстрот. Танцевать мне хотелось так же хорошо, как петь. Иван Александрович в этом году позволил себе взять отпуск в июне. Он уехал в Крым, во всесоюзную здравницу Алупку, а я была предоставлена самой себе.

Я ждала встречи с Дмитрием, теперь мы стали часто переписываться. Свое письмо я начинала так: «Дорогой мой друг..», а он отвечал : «Милая Аня, прошёл еще один день..». Мы писали друг другу почти ежедневно. Он сдавал экзаменационную сессию в университете, а я так и продолжала молчать о хлебозаводе. Мама стала совсем плохо ходить, отец ухаживал за ней, как мог. А я после смены приносила домой свежую выпечку и пряники – иногда нам, работникам, разрешали что-то брать себе из продукции. Вдоль нашего уже покосивше-

гося забора расцвела поздняя красавица – Персидская сирень. Она отличалась и ароматом, и внешне от той, что мы привыкли видеть.

Недавно в опустевшем доме культуры (сезон закрылся на период отпусков) Леонид Алексеевич Колесников провёл небольшую лекцию о сирени. Он рассказывал, какие сорта бывают, как он собирает редкие саженцы, как выращивает. Рассказал, что Родиной сирени считается Персия, и что в России этот кустарник выращивался сначала в тепличных условиях, а уж затем прижился и стал расти дичком. Я теперь старалась больше читать, что-то узнавать, ведь было бы нелепо оказаться незнайкой. Родные в семье теперь надо мной подшучивали, а я, как всегда, не замечала остроты. Записалась, наконец, в библиотеку посёлка Сокол, читала книги, одну за другой. И даже Маша стала меня уважать и хвалить. Тогда мне казалось, что это самое счастливое время, в котором я живу. А может, и сейчас так думаю.

К середине июня расцвел жасмин. Выходишь на улицу с крыльца и слышно, как рой пчёл усердно трудится, опыляя цветки. Ветер дует с соснового бора, значит западный и быть сегодня дождю. Так меня учили родители определять прогноз погоды. Да ещё, помню, как отец привёл из леса какого-то егеря к нам обедать. Так он тоже всякие диковины рассказывал, наверно сейчас и не вспомню что. Разве... как дождь на Самсона будет, так и лету быть дождливому.

Но село наше было уже давно в составе города, многие дети, кто подрос, поступали в институты, а здесь оставались их родители. Так поступила в институт Катя, а вслед за ней и Маша решилась. Два года подряд не добирала баллы, ее это страшно расстраивало, а отец рукой махал со словами: «Э-эх, ну и Бог с ними! Машка, тебе бы замуж!» А Маша вспыхивала, как искра и возражала: «Всё равно поступлю! Буду по ночам учиться, но поступлю!» и с этими словами снова садилась за учебники. Она мечтала строить дома, большие, городские, чтоб все жили в комфортных условиях. Она не очень любила наш дом, особенно в последнее время. А он заметно обветшал, то крыша протечет, то в погребе что обвалится. Отец чинил, что возможно, но требовалось много сил, чтобы навести порядок. А я любила дом и родителей поддерживала, но Машка все повторяла: «Вот и оставайтесь здесь мух ловить! А я новые дома возведу! По моим проектам вся Москва преобразится!» Она хотела быть архитектором также страстно, как я певицей.

Но в июле снова провалила первый же экзамен. И она сдалась. Пришла, мрачнее неба перед грозой. Зайдя в сени, бросила учебники в угол и сказала: «Нет моих больше сил! Не могу!» И ушла из дома в отчаянии бродить до вечера по улицам. Я хотела ее поддержать, но мама меня остановила: «Ты погоду советы давать, ей время надо пережить. Ничего, может оно и лучше, шо так. Может потом куда-нибудь поступит. А ты вон иди, за водой сходи. Машка оклемается, небось воды захочет, колодезная вода-то наша целебная».

Мама не настаивала на том, чтобы мы ходили в церковь, хотя все мы были крещёные. Но время было опасное, мы и не ходили. И только по вечерам слышали, как мама тихонько молитву читает: «Царица небесная...». Так я потом на всю жизнь и запомнила мамину фразу «Царица небесная», а дальше уж и забыла. Такое время.

Помню, как в августе 39-го, Дмитрий впервые пригласил меня в консерваторию, говорит: «Аня, ты должна слушать настоящих профессиональных музыкантов, на настоящей сцене. Если ты хочешь петь». Я заметила, как ему безразлично мое будущее, как он иногда был строг ко мне. Обижалась, но ненадолго... понимала, что это близкий мне человек и он не будет лукавить. Всё скажет, как есть.

А я к августу уже успела прочесть за лето много книг. И будто с вершины горы смотрела на себя, ту майскую девочку, которая боялась слово проронить. Я стала заметно смелее и не боялась больше выходить «в свет». Ведь Дмитрий теперь каждую неделю меня куда-нибудь да звал. То в музей, то в театр. Но в Большом мы ещё ни разу не были, а моей мечтой было

послушать оперу «Золотой петушок», ведь там звучит моя «золотая» партия, как ее называл мой учитель. Говорил так: «Аня, если будешь петь, тебя эта партия озолотит» и смеялся. Но в шутке есть и доля правды, а в правду я всегда верила и верю.

Помню, как познакомилась с родителями Дмитрия. Это были очень тихие, интеллигентные люди. Для меня их мир был недостижим. Отец Дмитрия – Олег Евгеньевич Дементьев завел библиотеку в школе, недалеко от Гоголевского бульвара, а мать – Александра Николаевна преподавала там же. Дмитрий мне раскрыл тайну, что его отец когда-то преподавал историю в гимназии для мальчиков, ещё до 1917 года, где-то в районе Лубянки. Но потом такие учреждения позакрывали, многих преподавателей арестовали, а отца не тронули, потому что его брат воевал вместе с красными. Вот такая легенда была. Дмитрий предупредил, что это тайна, ну а мне и делиться-то этим было не с кем. Всё это для меня было как в кино.

Александра Николаевна угощала нас чаем, заваренным с жасмином. Помню, у них заварной чайник такой был серебряный, тонкий, словно кувшин турецкий. Я тогда сморозила за столом: «Ох, какой у вас чайник интересный! Как мне подойдёт для Шамаханской царицы!» – Дмитрий посмеялся, чтобы развеять мой конфуз. А Александра Николаевна просто улыбалась. Наверно, я ей нравилась.

А в сентябре мы пошли в Большой театр, но только на балет. Возвращаясь домой, услышали объявление по радио, что в Европе началась война. Так я отметила год своего взросления. В 40-м я всё ещё скрывала от Дмитрия свою работу на хлебозаводе. И мне было странно, что он не интересовался, куда я ухожу через день и почему иногда так поздно возвращаюсь домой. Иногда он встречал меня на станции «Серебряный бор». Это был последний год, когда ходили пассажирские поезда по кольцевой железной дороге. В этом году мы с Машей посадили грядку клубники на нашем участке в Покровском-Стрешнево, и я решила показать, теперь уже моему любимому Диме нашу клубнику и передать гостинец его родителям. Помню, как идём от станции, уже отдаленно слышится шум паровоза. Летние сумерки, в кустах поют соловьи, цветут яблони, вишни и поспевают первая клубника. Солнце в этом году вон какое яркое! А значит ягода будет сладкой. Мы с Димой подходим к нашей грядке, едим клубнику прямо так. Тогда дожди всё смывали, не то, что теперь. Никто у нас тогда клубнику не мыл, всё ели с грядки. Где-то идут бои, а мы живём в своем мире, мечтаем о нашем будущем. Я решила прослушаться в Большой театр, но только через год, когда голос ещё окрепнет. Занятия теперь я продолжала и в период отпуска Ивана Александровича.

Маша совсем забросила идею поступления в институт. Взвалила на себя все хозяйство. Мама в этом году не вставала с кровати. Сашка наш повзрослел, стал таким высоким, что изда- лека его теперь не узнать. Поступил в ремесленное, как и хотел. Захотел стать слесарем-механиком, чтоб потом пойти на завод. Отец ворчал: «Не учится, так пусть хоть под ногами не болтается без дела!» – он был очень не доволен решением сына. Всё время повторял: «Вон, мы с матерью не учились, возможности не было! Теперь – всё для народа! Учись вволю! А этот...» и горестно рукой махал. А Маша решила не поступать, покуда мама жива. Нам было трудно и все мы знали, что скоро мамы не станет. Тяжело это вспоминать.

Маша говорила: «Аня, если пройдешь в театр, хорошо будет! Глядишь и я поступлю куда-нибудь. А теперь Сашке надо учиться, тебе заниматься. Отец совсем ослаб. Дом разваливается. Толик помогает, но это ж все ерунда. Так, что, учись! И нечего на свидания бегать!!» – тут она внезапно взбрыкивала, прям как наша Зайка. Ни с того, ни с сего злиться начинала. Но я знала, что не везло ей по личной части. Характер ее был невыносим. Уж кто угодно подтвердит, что хороша она была, а родители часто нас сравнивали: кто краше. И Машка всегда для них была и останется лучшей. Хоть и меня они любили, как родную.

А Диме я в ответ на тайну о его отце, рассказала, что я приемная дочь. Он был в недоумении, сказал тогда: «А ты когда-нибудь пыталась узнать, где твои настоящие родители и что с ними?» – но ответить мне было нечего, кроме Катиных слов, будто меня принесли цыгане.

Дима обижался, что я не знакомлю его с моей приемной семьёй, говорил: «Наверно, они очень добрые и душевные люди?» – а я молчала в ответ. Мне было страшно, что он увидит наш ветхий дом, покосившийся забор и уже неухоженный сад. Маша едва справлялась с мамой, я вела хозяйство по дому, да ещё работа на заводе и занятия вокалом. Конечно, было нелегко, потому я говорила: «Познакомлю, непременно, вот только не сегодня. Папа очень устал» – и так повторяла раз за разом, что Дмитрий больше не задавал вопросов.

Помню, в тот год ещё увлеклась стихами Есенина. А Дима стал меня называть «Шаганэ». Тогда мне казалась моя юность, молодость и красота вечными, ничто и никогда не сможет заставить меня поседеть и состариться. Мы жили одним днём, ловя каждый промежуток времени, заполняя его счастьем, пусть коротким, на час, или два в неделю, читая друг другу стихи, признаваясь в любви и мечтая о высоком. Я видела себя примой Большого театра, а Дима мечтал о научной карьере. Так, мы двое влюбленных в жизнь и наши планы проводили лето 40-го. Казалось, что за нас радуется Небо, а где-то шли бои.

Июнь 41-го. Кто его не помнит? А я тогда впервые пригласила Дмитрия познакомиться с моими родителями. В один из выходных, погода стояла чудесная, вечером закат отражался в реке темным золотом, а стая мошкары замерла в воздухе, предвещая теплую неделю.

Я очень волнуюсь, отец из погреба достал старинную скатерть, говорит: «Вот, к празднику!», и скатерть, в самом деле, хороша. Соткана вручную, с каким-то народным украинским рисунком. Мы с Машей давай расспрашивать: «Откуда? Почему раньше не видели?» А отец так хитро посмотрел на нас и говорит: «Это малой на выданье, а Машка приведёт жениха и для неё найдем чего» – и руку мне пожимает.

Конечно, Дмитрий мне ещё не предлагал пойти под венец, но родители всё время так лукаво переглядывались и улыбались. Я, как и обычно, не обращала внимания на такие манипуляции, старалась вообще не думать. А между тем, в марте мне исполнилось 18 лет.

Стол накрыли, как могли. Что поспело к июню, так это клубника, ей всё и украсили, картофель прошлогодний мы в костре испекли, запасы какие с того года остались, те тоже на стол. Так вот, скромно, но мы с Машей старались, украшали. Цвела персидская сирень, я наломала несколько веток, поставила в вазу, подаренную мне на одном из выступлений. И луч заходящего солнца коснулся той вазы, освещая остаток дня на нашей террасе.

Дмитрий зашёл в калитку в неизменной фетровой шляпе. А мне почему-то вспомнился день, когда он впервые увидел меня на сцене. И все эти три года как лента промелькнули передо мной. Что это и почему именно сейчас?

Отец пожал Дмитрию руку, посадил его за стол, зачем-то на «хозяйское» место, меня рядом с ним. Потом встал, поднял чарку и говорит: «Ну, за молодых!» – перекрестился и выпил залпом. Маша давно приготовила настойку на черной смородине. Так она и стояла, дожидаясь своего часа. Родители не пили даже по праздникам, да и нас, детей не приучили. Потому, в доме всегда были какие-никакие, а запасы.

Мама только рукой махнула. Мы ее посадили на подушки, поставили кушетку рядом со столом. Она была совсем уже плоха, но радость за меня давала ей силы и она, словно немного помолодела, даже румянец на щеках проступил. Маша сидела хмурая, Сашка где-то в футбол играл, а Катя с Толиком и маленьким Федей приехать не смогли. Так мы и сидели впятером, молча. Дмитрий решил развеять напряженную атмосферу:

–

А знаете, пока к вам ехал, за окном поезда даже слышно кузнечиков. Как они стрекочут уже в июне! Аня, это к чему, не помнишь?

И тут отец оживился:

– Так ведь это... к жаре, значить. Лето короткое будет и жаркое. Так-то. Зайка-то наша траву вон с какой жадностью жуёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.